

Александр Есеев

Падал голубой снег

Рассказы

Александр Есеев

Падал голубой снег. Рассказы

«Издательские решения»

Есеев А.

Падал голубой снег. Рассказы / А. Есеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905825-6

Рассказы, которые вы найдете в этом сборнике, написаны на абсолютно разные темы. Но несмотря на то, что идеи и смысл их заметно разнятся, общее настроение несомненно выдержано в серых тонах...

ISBN 978-5-44-905825-6

© Есеев А.
© Издательские решения

Содержание

Друг	6
Падал голубой снег	10
Свёрток судьбы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Падал голубой снег

Рассказы

Александр Есеев

© Александр Есеев, 2018

ISBN 978-5-4490-5825-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Друг

За окном было уже темно. Я посмотрел на часы. Большая стрелка приближалась к двенадцати, а маленькая почти сравнялась с девятью. Одним словом, привычная картина. Спина затекла, глаза, как всегда слезились. Я положил ручку на стол, и разведя руки в разные стороны, потянулся что было сил. «Опять засиделся», – подумал я. Действительно пора было собираться домой. Пока доеду, время будет уже ближе к одиннадцати, а завтра опять на работу. Если учесть, что сегодня всего лишь вторник, то можно догадаться, что выходные еще не скоро. Так что выспаться пока не получится. Я сложил все документы в одну большую стопку и убрал в верхний ящик стола. Снял медицинский халат и повесил на вешалку. Через пару минут я шёл по коридору к выходу из клиники.

– Что-то вы опять засиделись, Юрий Константинович, – по привычке произнес пожилой охранник, поворачивая ключ в замочной скважине, чтобы выпустить меня на улицу. Как всегда, в ответ я просто пожал плечами. Стыдно признаться, но я всегда забывал его имя, а посмотреть на табличку, приколотую к форме не хватало сообразительности. Возможно, молчание было связано и с этим.

На улице было достаточно холодно. Все-таки зима. Автобус до метро пришлось ждать минут пятнадцать. За это время я выкурил три сигареты, мне казалось, что это как-то поможет не замёрзнуть окончательно. Но увы – не помогало. «Было бы неплохо все-таки купить зимние ботинки, да и куртку пора поменять» – откровенно говоря, такие мысли посещали меня достаточно часто. Справедливости ради надо сказать, что реализовать их было не так-то просто. И на то были причины. Об этом позже.

После автобуса мне предстояло в течение где-то получаса добираться на метро, а после этого еще несколько минут пешком – и я дома. Казалось бы не так долго, но учитывая мое одеяние, дорога казалась вечной. Но и это не самое главное. Как говорил мой отец – главное то, с чего все началось. Он всегда приводил множество примеров тех самых начал. Это все мне казалось безнадежно верным и не поддающимся сомнениям. Спустя многие годы, когда отца уже не стало, я понял, что все это имело смысл всего лишь в силу моего не столь большого возраста (на тот момент). Да простит меня мой отец. Ну так вернемся к тому, с чего как раз все и началось.

В детстве я был прилежным и послушным ребенком. Мои родители, что само по себе и единственно верно, всегда являлись для меня примером подражания и гордости. Мама работала поваром в школьной столовой, но не в той школе, где я учился, а в какой-то другой. Отец был военным. Я не совсем понимал на тот период, зачем в мирное время нужны военные. Войны-то не было? Так же мне было непонятно, почему мама работает в какой-то другой школе, а не в моей. В общем, в моем не слишком большом возрасте многие вещи мне были непонятны.

Как я уже сказал, вернемся к тому, с чего все началось. В тот день, я задержался в школе на час, так как с двумя своими одноклассниками переписывал *контрольную* по математике. Не сложно догадаться, что первая попытка ее написания была неудачной. Как выяснилось позже, вторая попытка мало чем отличалась от первой. Не буду говорить, что я сильно был расстроен этим обстоятельством. И вот в таком непонятном настроении и состоянии духа, я подошел к своему подъезду. Обычно после уроков я имел полное право часик пошляться по улицам. Мне казалось, что я гуляю, но мама всегда применяла именно такое определение для моих прогулок. Но сегодня я и так задержался из-за этой проклятой контрольной, и что бы не вызвать подозрений, пришлось сразу идти домой.

Я открыл дверь в подъезд и вошел. В парадной было как всегда темно. По этому поводу отец всегда говорил, что это особенности нашего времени. «Ну не знаю, не знаю» – думал я. Я

встречал подъезды, где несмотря на эти особенности, свет все-таки был. Так что скорее всего это была особенность только нашего подъезда. Я так думал. Пройдя почти полностью первый лестничный пролет, я услышал снизу какой-то странный писк. Остановившись, я задержал дыхание. Тишина... Я пошел дальше. И снова писк. Нет, мне не показалось, кто-то явно пищал. В подъезде существовала еще и лестница вниз, спустившись по которой, можно было попасть в некое полуподвальное помещение. Естественно я там никогда не был, что так же естественно неудивительно. Место было жутковатое. Там действительно было очень темно и страшно. Я тихонько спустился по лестнице и остановился около черной бездны, ведущей в подвал. И снова писк. Простояв так около минуты, я все-таки решился сделать первый шаг. Аккуратно ощупывая следующую лестницу, я медленно спускался вниз, шаг за шагом. На очередной ступеньке, когда я уже почти полностью окунулся в крошечную тьму, нога уперлась в какой-то мягкий комок. Я медленно поднял ногу, а затем снова пощупал ступень комок. При моем касании, писк становился чуть сильнее, если можно так сказать. Долгих колебаний в моей голове не происходило, сразу стало ясно, что это либо котенок, либо щенок. Существовал только лишь один способ выяснить это и я его знал. Немного собравшись с мыслями, я нагнулся и протянул руки к источнику звука. Пальцы коснулись чего-то очень мягкого и теплого. Я взял это существо в руки и двинулся в обратном направлении. Молниеносно пробежав два пролета лестницы, я оказался у окна, которое выходило во двор. Я нес теплый комок перед собой, специально не бросая на него взгляд, как Персей с головой Медузы Горгоны. Подойдя к окну, я опустил взгляд на предмет, который был у меня в руках. Это был щенок. Маленький, светло-коричневого цвета щенок, недели две отроду. Я стоял проглотив язык и вытаращив глаза на щенка.

Я не был тем ребенком, который все детство мечтает о подобном друге. Но этот щенок мне показался каким-то особенным. Мы пристально смотрели друг на друга. Он очень сильно дрожал и изредка издавал все тот же писк. После недолгих раздумий было принято решение взять его домой. Естественно реакцию родителей я предугадать не мог, но мне почему-то показалось, что она может быть и вполне положительной. Да, мне почему-то так показалось, почему – не знаю. Я пришел домой, скинул ранец, быстро разделся и полез в шкаф на верхнюю полку. Среди очень большого количества вещей и разного хлама, я отыскал большую коробку из под маминых зимних сапог. Так как на улице была зима, коробка была пуста. Не ходить же маме зимой в летних туфлях? Я отнес коробку в свою комнату и через мгновение щенок оказался в ней. Мне показалось, что в этой коробке ему было очень комфортно и он, по-моему, даже немного улыбнулся. Молока в холодильнике не оказалось, как это бывает обычно в таких случаях, так что я напоил щенка водой и покормил нарезанной сосиской. Судя по всему, ему это понравилось, либо он просто был очень голоден. Скорее всего второе.

Теперь оставалось самое главное, сообщить родителям, что у нас в семье пополнение. Я сидел в центре комнаты на полу и со всех сторон разглядывал щенка, как он облизывал себе лапы, периодически поглядывая на меня. Неожиданно раздался телефонный звонок. «Мама» – подумал я. Обычно в это время звонила только она, дабы проведать: пришел ли я домой, и по обычаю рассказать, где в холодильнике можно найти обед, хотя я и так это знал. День ото дня место его расположения не менялось. Я вскочил на ноги и побежал к телефону.

– Алло.

– Юра, ты уже дома? – мама всегда задавала один и тот же вопрос. Следовательно, на него следовал один и тот же ответ:

– Да мам, дома.

– Суп в холодильнике на верхней полке. Поставь ее на плиту и разогрей. Уроков на завтра много задали?

– Нет, мам, не много.

– Чтобы все сделал! Смотри, приду – проверю.

Я знал, что мама несомненно придет, но проверять уроки никто не будет. Во всяком случае, дома никто не будет. Но сегодня был другой случай. Было необходимо любым способом расположить родителей, для того что бы они разрешили оставить щенка. А тут знаете, все средства хороши. Поэтому минут за двадцать я успел разделаться с математикой и русским. Все это так же происходило на полу. На природоведение сил уже не хватило. Да и, честно признаться, мне показалось, что математики и русского вполне хватало для двухнедельного щенка. Со спокойной душой я принялся снова разглядывать своего нового друга. Вот так в процессе нашего знакомства я не заметил, как время приблизилось к семи вечера.

Вскоре я услышал, как в замочной скважине повернулся ключ и входная дверь открылась. Судя по голосам, папа и мама пришли вместе. Нужно было их подготовить к встрече с новым членом семьи. Выходить из комнаты, держа в руках коробку с щенком и улыбаясь, было крайне опасно. Я быстро стянул с кресла шерстяной плед, накрыл им коробку, оставив один угол коробки открытым, чтобы щенку было чем дышать.

С широкой улыбкой я влетел в прихожую.

– Ты что такой веселый? Наверное, и уроки все сделал? – не скрывая удивления, спросила мама. Папа как всегда молчал.

– Просто хорошее настроение. Рад, что вы пришли. И уроки сделал. – немного лукавил я.

Нет, естественно, я любил своих родителей, и правда был рад их приходу.

– Костя, ты слышал, твой сын сделал все уроки, ну ничего себе... – продолжала мама.

Обычно она в таких случаях говорила, что наверное будет снег, но если учесть, что на улице была зима, «снежные» комментарии были лишними. Так что в том, что я сделал уроки, не было ничего сверхъестественного. Папа по-прежнему молчал, мама как-то странно улыбалась. Из всего из этого, я сделал вывод, что сегодня лучше не знакомить родителей с новым членом семьи. Было решено отложить это до завтра.

Щенок провел всю ночь в той самой коробке и практически всю ночь спал. Так что никто не догадался о его присутствии в нашей комнате. Утром я как всегда собрался в школу. Перед выходом заглянув в комнату, я попрощаться со своим щенком. Он лежал в коробке под кроватью, подложив под мордочку переднюю лапу, глаза были слегка приоткрыты, но он явно спал. Я почесал его пальцем по голове и побежал на улицу.

Весь день я сидел, как на иголках. Мне не терпелось побыстрее пойти домой. Также я решил придумать своему щенку кличку, потому как не могло быть такого, чтобы у собаки ее не было. Даже на переменах мне было не до игр. Я тихо стоял в стороне и тщетно старался придумать какую-нибудь кличку поинтереснее. Но как на зло, ничего подходящего не приходило на ум. Ко мне периодически подбегали мои друзья из класса и из параллельных тоже, интересуясь почему это я стою, как истукан в стороне и не участвую в их несомненно интересных играх. Даже мой друг Пашка Митрузаев подбежал ко мне и спросил:

– Ты что как белены объелся? Давай с нами в салки?

Какие там салки? Знал бы он, чем я сейчас занят. Я придумываю имя для своей собственной собаки. Только своей и больше ни чьей. Поэтому я только махнул рукой в его сторону и отвернулся. Наверное, я был не прав, Пашка ведь не в курсе, чем я занят и что мне сейчас не до игр. Ладно, после того как придумаю имя, можно будет все ему рассказать, тогда он не будет держать на меня зля, а только завидовать. У него же нет щенка.

После уроков я бежал домой сломя голову. Ни о каких гулянках не могло быть и речи. Да что там гулянки, я готов был делать все уроки, лишь бы родители разрешили мне оставить щенка дома. Я вошел в квартиру, бросил рюкзак, вбежал в комнату и бросился под кровать. Коробка стояла на месте. Я вытащил ее на середину комнаты и подвинул плед. Щенок лежал в обычной позе и не двигался. Меня это насторожило, я погладил щенка по холке и он зашевелился. Можно было успокоиться, он был жив. Я побежал на кухню, принес воды в малень-

ком блюдце и еще одну сосиску, которая, кстати, предназначалась мне. После того, как щенок пообедал, я принял решение выпустить его немного погулять, естественно под моим присмотром. Я не заметил, как прошло несколько часов, и приблизился вечер. Про уроки я естественно забыл. Вскоре пришли с работы родители. Мама снова начала меня расспрашивать про уроки, я сказал, что все сделал, все равно никто не будет ничего проверять. Я стал обдумывать, как все-таки рассказать родителям про щенка. И все никак не мог придумать, как это сделать. В итоге я затянул настолько, что родители легли спать, и снова было принято решение отложить признание до завтра.

Утром было все, как обычно. Попрощавшись с щенком, я побежал в школу. Весь день я снова ломал голову, какое имя можно было дать своему другу. Потому как это был уже не просто щенок, а мой друг, и самый лучший.

Естественно никакой Полкан, Шарик, Бобик меня не устраивал. Хотелось придумать что-то особенное и звучное. Чтобы гуляя с ним во дворе, можно было громко кричать его имя. После долгих мучений, на ум снова так ничего и не пришло. Быстро взбежав по лестнице, я сунул ключ в замочную скважину, но дверь не поддавалась. Она явно была закрыта изнутри. Такое бывало, когда дома кто-то был. Я насторожился. Немного подумав, я нажал на кнопку звонка. Через мгновение дверь открылась, а на пороге стояла мама. По выражению ее лица, я понял, что что-то не так.

– Ты почему не гуляешь после уроков? – подозрительным голосом спросила мама.

– Что-то не хочется. Да и холодно на улице. Уроков опять же много задали.

Я зашел в квартиру и медленно стал раздеваться.

– Ладно, раздевайся, мой руки и иди обедать. – с этими словами мама пошла на кухню.

Я быстро сбросил куртку, ботинки и бросился в комнату. Коробки под кроватью не было. Я забрался еще дальше и неистово стал шарить руками среди большого количества пыли и мусора. Пусто. Я вылез из под кровати. Рядом стояла мама. Я вскочил на ноги и что есть мочи прокричал:

– Где мой друг!?

Оказалось, что мама немного приболела и осталась дома, чтобы вызвать врача. Она лежала в комнате, когда вдруг из моей комнаты услышала писк. Так моя тайна, которую я и сам был готов раскрыть, была разоблачена. Оказалось, что помимо писка, щенок так же обгадил всю коробку, а мама хранила в ней свои зимние сапоги. Теперь с ее слов сапоги было негде хранить.

В итоге мне задали хорошую порку. За то, что я притащил домой какую-то заразу и держал ее под кроватью. Мама сказала: «Еще неизвестно, чем эта псина болела».

Мне же было непонятно, какая разница, чем болеет друг, это же друг. Ближе к ночи родителей все-таки стали меня успокаивать, что они отдали Друга в хорошие руки и что мне не за чем беспокоиться.

В ту ночь, я дал себе клятву, что пятно за предательство своего друга, которого я опрометчиво оставил без присмотра, мне придется смывать всю жизнь. Простая детская клятва. Спустя годы я поступил, а затем и с отличием закончил Государственную Ветеринарную Академию, кафедру биологии и патологии мелких домашних животных, а еще через некоторое время мне удалось открыть свой ветеринарный кабинет в одной из клиник.

Таким образом, я искупаю вину перед другом, который был таковым, пусть и не так долго, зато по-настоящему. Так что к жизненному девизу своего отца я могу смело добавить, что главное не только то, с чего все начинается, но и то, чем в итоге все заканчивается.

Падал голубой снег

Моей любимой и единственной посвящается

Когда-то многие улицы в городе, а точнее практически все, были вымощены брусчаткой. Такие, знаете, массивные прямоугольные камни, не всегда правильной формы, целиком погруженные в грунт и лишь немного выпирающие над землей. Конечно, со временем некоторые из них приходили в негодность по некоторым причинам, коими являлись транспорт, непрерывно шныряющий то туда, то сюда, погода, да и вандалы, как известно появились далеко не вчера. Но и эти изъяны поддавались доработке крайне оперативно, дорожные службы, как оказалось, в те времена работали гораздо лучше, чем сейчас. Теперь же все иначе. Преобладающее большинство из всех этих отголосков прошлого скрылись под толстым слоем асфальта. Такая уж тенденция, и ничего с этим не поделать. Под еще отдающим стариной обликом города и тем, что не до конца, как та самая брусчатка скрылось под пеленой неизбежно надвигающегося цинизма современного мира, еще можно было заметить отголоски прошлого. Затемненные от крон многолетних тополей тихие переулки и улицы, наполненные спокойствием дворы с перекошенными от времени качелями и вросшими в землю деревянными лавочками. Другой мир, беззаветно верящий в силу постоянства и преданности устоявшимся канонам и правилам. Вокруг тех дворов, как стены, стояли потемневшие от времени и погодных стихий дома. Как будто специально выстроенные для защиты их обитателей все от того же пугающего нового времени.

Скрипящие деревянные ступени в пролетах между этажами, которых было всего три, а в некоторых домах максимум четыре, никого не пугали. Человек давно привык к этому. Как ни странно, страх, а вернее сказать недоверие, в сердцах людей навевали абсолютно иные вещи, никак не сравнимые с теми, что наполняли умы тех, кто стремясь поспеть за временем, стремглав бежали вслед за техническим прогрессом.

Что тут скажешь, несмотря на то, что до перестройки оставалось не так далеко, время было тяжелое, тем более для такого провинциального городка, как наш. Ну а что повлекла за собой сама перестройка, теперь уже известно. Вникать не будем. Это было уже другое время...

Мы с родителями жили в одном из таких домов. Мама, отец, младшая сестренка и я. Чем занимались родители, где работали, рассказывать не буду, так как особого отношения к делу это не имеет. Наша семья относилась к той небольшой части населения города, которые как по течению, жили согласно старым традициям существования. Да, да именно существования – потому как по-другому назвать сложно. Поверьте, на это есть много причин, но об этом позже, потому как это как раз имеет отношение к делу, во всяком случае, по сей день я думаю именно так. Денег не хватало, отец постоянно халтурил, чтобы хоть как-то облегчить нашу жизнь. Я учился в школе, которая почему-то находилась не в черте города, как остальные, а в семи километрах от него. Но жили мы на окраине, и поэтому особых проблем это не доставляло. Нет, в городе тоже были школы, и многие из моих сверстников, соседей по двору, учились там. На мой вопрос маме почему со мной все иначе, мама говорила, что нечего мне там делать, а дальше этого разговор и не заходил. Мама не желала ничего больше объяснять, а мне не было особо интересно. Меня все устраивало, обычное детское любопытство. За домом находилась автобусная остановка. Ровно в 08:10 каждый день там останавливался автобус, который довозил меня до школы. Естественно деньги на поездки выделяла мама. А это, как ни крути 15 копеек в день. 75 копеек в неделю, а за месяц набегало ровно 3 рубля. Но ведь нужно как-то было добираться и обратно – итого 6 рублей, а это уж целое состояние; мне так казалось. Одним словом приличные деньги. Чаще я пользовался привилегиями общественного транс-

порта, но подчас меня начинала мучить совесть глядя на то, что происходит дома. Родители очень часто ругались, ошибочно думая, что мы с сестренкой уже спим и ничего не слышим. Тонкие стены с большой охотой, подробно передавали все, что происходило на кухне. Речь шла, естественно, о нехватке денег. И если сестренка в силу своего возраста, вряд ли могла понять подробности, то я всем сердцем впитывал негодование родителей, а особенно мамы. И после таких ночей, утром я вставал раньше обычного, и под предлогом того, что у меня в школе дежурство, направлялся в школу пешком. Скажу я вам откровенно, что семь километров не такая уж и большая дистанция. На дорогу я тратил максимум минут сорок – сорок пять. В трескучий мороз – это даже полезно, а про осень с весной и говорить не приходится, сам Бог велел. Подсобрав в связи с такими прогулками немного денег, я тайком подсовывал их обратно в мамин кошелек. То ли мама этого не замечала, то ли просто делала вид, что вряд ли, а может просто ей казалось, что так и должно быть. Но в моем сознании я четко ощущал рождение образа добытчика, пусть и таким способом, но для моего возраста вполне сносно.

Дело было зимой. Декабрь шел к своему завершению. Мороз стоял приличный, и мои походы до школы давались все сложнее. Но нестигаемая воля добытчика, которую я старался рисовать в своем воображении, хоть и трещала по швам, но не ломалась. От остановки до школы можно было идти либо по обочине трассы, что мне даже в том возрасте казалось небезопасным, либо взять чуть правее, и миновав небольшой овражек или как принято говорить – кювет, идти по тропинке вдоль леса, если таковая имелась. Снега в декабре выпало много и, хоть машины сновали по трассе туда-сюда в связи с надвигающимся Новым Годом, деля дорогу более-менее укатанной, обочины как таковой не было. Так что я принял решение по пояс в снегу преодолеть овраг, и пойти вдоль леса. Тропинки так же не оказалось. Лишь твердо накатанная лыжня, вдоль опушки. Можно было конечно пойти и по ней, но мое благоразумие сделать мне этого не позволяло. Все-таки это лыжня, и по ней можно ходить, но наверное только на лыжах.

Идти конечно было не так просто. По колено в снегу, пусть и напоминающему что-то вроде пуха, но все же. Для двенадцатилетнего мальчика, коим я тогда являлся, семь километров по такой перине, надо признаться – большое испытание. Я был готов выдержать его абсолютно определенно. И так преодолев, как будто в брод небольшой овражек, я побрел в сторону школы. По левую руку от меня шла суета. Грузовики, самосвалы, огромные рефрижераторы с такими же большими заснеженными прицепами, покрытыми плотными тентами, пронеслись с грохотом мимо меня. Мощные потоки воздуха, воспроизводимые этими великанами, казалось, вот – вот швырнут меня в лесную чащу, но я держался. При приближении гула очередного самосвала, я непременно оглядывался назад. Как будто я шел по дороге, и машина непременно должна была меня сбить. Преодолев некоторую часть дороги, я решил чуть свернуть в лесок, дабы отыскать что-то вроде лапника или может быть какой-нибудь палки, чтобы хоть немного разгрести перед собой снег. Попав в пространство между деревьев, я понял, что найти что-то подходящее будет не так просто. Если даже что и лежало на земле, то было покрыто толстым слоем снега. Немного подумав, я решил оторвать небольшую часть еловой ветки. Перед глазами было много подходящих вариантов. Взявшись за самый край одной из веток, я стал изо всех сил тянуть ее на себя. Если кто-то когда-либо пробовал сделать что-то похожее, меня поймут. Ветка не поддавалась. Лишь на голову, плечи и спину посыпался залежавшийся где-то очень высоко снег, так же назойливо целивший попасть мне за шиворот. Тогда я посильнее ухватился за середину ветки и стал со всей своей детской силой дергать ветку на себя, несколько раз подряд. Но это так же не принесло мне никакого результата. Лишь только еще больше снега упало мне на голову и естественно, некоторая часть угодила под пальто. Но меня это не смутило. Я лишь утер пот и снег с разгоряченного лица, снял ранец, швырнув его в сторону, и снова принялся за свое нелегкое дело. По прошествии нескольких минут, признаюсь честно, я сдался. Ветка не поддавалась ни на толику. Я сидел по шею в снегу и пытался

отдышаться. Морозный воздух раздирал горло. Варежки покрылись россыпью зеленых иголок моего соперника и плотным слоем снега, местами превратившегося в льдинки. Сапоги были так же наполнены снегом. Мокрые насквозь школьные брюки. Под пальто я ощущал прилипшую к телу майку, притянувшую за собой и рубашку. Я понял: эту схватку с природой я проиграл. Я признал это. Еще немного посидев, я встал, накинул на спину ранец и не отряхиваясь вышел на лыжню. Насупив взор, я прошагал по ней несколько шагов, а затем все-таки свернул левее. В конце концов лыжники здесь не причем.

Я прошел около километра, может чуть больше, прежде чем заметил, что по дороге не проезжает ни одной машины. Да, на дороге было тихо. Я слышал, как шумит еле уловимый ветер, стоняющий ослабевшие снежинки с крон и веток могучих елей. Остановившись, я посмотрел на дорогу. Сначала в одну сторону, затем в другую. Да, машин не было. «Ну и что? Ну и ничего странного», – подумал я, «Не могут же они ездить без остановки, все же люди. Покатались и хватит». И не предав этому значения, двинулся дальше. Преодолев еще некоторое количество метров, может быть двести, а может и больше, не знаю, я снова остановился. Машин по-прежнему не было. «Вот ведь, даже машины никуда не едут», – подумал я, «А я что, рыжий, почему мне опять нужно идти в школу, какой в этом толк?». Нормальные мысли здорового ребенка моего возраста. Господи, да более чем нормальные. Я бы сказал даже естественные.

Пошел снег. Крупные хлопья, кажущиеся абсолютно невесомыми, непонятными зигзагами падали с неба. Я снова поводил головой по сторонам, резкими рывками поправил сползший ниже пояса рюкзак и в обиде неизвестно на кого, надвинув шапку на глаза, нехотя побрел дальше. Идти в полной темноте, в полуметровом снегу по колено, было крайне некомфортно, и я снова решил прозреть, резко подняв шапку на лоб – на ее место. Через секунду я остановился. Снег продолжал идти, но он был не белого цвета, а голубого. Да, вы не ослышались, именно голубой. Я протер варежками глаза. Может это снег, пот и слезы досады так застлали мне глаза. Нет, снег продолжал падать, не ускоряясь, не замедляя темп, и он действительно был голубой. Я скинул рюкзак, поднял руку ладонью кверху. На белые замершие льдинки, падали голубые, необычайных узоров. Я около минуты смотрел на снежинки, которые падали мне на руку. Ни одна из них не походила на свою соседку. Мелкие паутинки, аккуратно переплетенные в узорные кружева и не имевшие ни одного изъяна. Подняв голову, я увидел, что все вокруг постепенно заволакивает синеющей пеленой. Автомобилей по-прежнему не было. Полное безветрие, позволяющее голым хлопьям беспрепятственно выполнять свои пируэты. Я посмотрел в лес, уже успевший окунуться в голубую бездну. Прямые многолетние ели стояли не шелохнувшись, не смея помешать происходящему вокруг. Я дунул на ладонь и несколько снежинок, не изменив своего обличая, плавно полетели вниз.

Я снова посмотрел на дорогу. По левую сторону оврага, на обочине, я заметил что-то непонятное темного цвета. «Наверное, что-то выпало из одной из грузовых машин» – подумал я. Позабыв про ранец, я ломанулся в бездну овражка, погрязнув по пояс в снег. Преодолевая плотные слои снега, я наконец выбрался на обочину и побежал в сторону своего обнаружения. Но чем ближе я приближался к искомому, тем все больше замедлял шаг. Затем и вовсе остановился. Метрах в десяти от меня, ближе к правой обочине лежал огромный лось. Голубой снег вокруг был отчетливо забрызган алой кровью. Сохатый лежал на правом боку мордой ко мне. Я стал медленно приближаться к нему. Подойдя почти вплотную, я встал на колени. На шее и груди зияли две огромные кровавые раны, извергающие наружу клубы горячего пара. Из ноздрей бедняги густой массой текла теплая кровь. Левая нога дрожала, как от разряда электричества, показывая предсмертные судороги. Учащенное сердцебиение, сопряженное с крайне редкими вздохами, говорили о том, что дух покидает это могучее животное. А из глаза, доступного моему взору, стекала крупная капля – это была слеза. Он плакал. Лось направил на меня своим мутно-коричневым зрачком. Через мгновение все было кончено. Нога

опустилась, дыхание остановилось, сердце замерло. Это был конец. Я смотрел на мертвое тело. Я часто видел мертвых животных и лосей в том числе. Папа был охотник. Но этот лось был какой-то особенный, это был другой лось.

А снег все падал. И по-прежнему он был голубым.

Через мгновение я бежал по дороге вдоль обочины по направлению к дому, не боясь возможности возникновения встречной машины. В считанные минуты три километра были преодолены. Свернув на проселочную дорогу, не сбавляя бега, что надо сказать, было не так просто, я помчался вдоль заснеженных домов в сторону своего двора. Ранец в эти минуты, мне казалось, набит кирпичами или еще чем-то похожим. Зачем я бежал домой, я сказать не могу. Наверное, многие из детей в моем случае поступили бы именно так. Куда бежать, как не к родителям. Я несколько раз продолжительно позвонил в дверной звонок, после чего стал громко стучать руками в дверь. Через минуту она отварилась. На пороге стояла мама, вытирая руки о полотенце. Удивленными глазами она посмотрела на меня, и удаляясь в коридор, чтобы включить свет, спросила:

– Ты что это? Ты почему не в школе?

Испытывая неистовое сердцебиение, обливаясь потом и весь в снегу, короткими отрывистыми слогами, я выдавил из себя:

– Па-па до-ма?

Не обращая внимания на мои слова, мама продолжала:

– Ты где валялся? Ты посмотри на себя. Заходи быстро.

Я ввалился в коридор, оставляя за собой снежные следы. Ранец медленно сполз на пол. На выходе из кухни показался папа, который уже успел съесть яичницу, готовый идти на работу.

– Ты чего? – переспросил папа.

Пытаясь побороть свое сбитое дыхание, я вкратце рассказал все что произошло со мной по дороге в школу. Мне показалось, что мама меня не слушала, так как варка супа для нее важнее, да это и естественно, а папа после того, как услышал, что на дороге лежит большой кусок бесхозного мяса, тут же нацепил куртку и стал кому-то нервно названивать по телефону. Это оказался наш сосед дядя Миша. Жил он в соседнем подъезде. И хоть работали они с отцом на разных предприятиях, частенько халтурили на строительстве того самого нового мира, естественно со всеми вытекающими. Оказалось, что он, как и папа еще не успел уйти на работу. Папа короткими фразами объяснил ему суть, сказал, чтобы тот максимально быстро завопил свои жигули (по папиному мнению, являющиеся роскошью), и ждал его на улице. Отец быстро нацепил куртку, предварительно взяв из шкафчика с инструментами, топор и длинную веревку. Напоследок он кинул:

– Так, ты с нами, покажешь где, – и побежал в низ, а я за ним.

Мама лишь успела крикнуть в след:

– А как же школа? – но мы ее уже не слышали.

Мы пришли к машине первыми. Дяди Миши еще не было. Папа ходил вокруг машины, проговаривая сквозь зубы разные ругательства. Сосед показался через минуту. Они перекинулись парой острых слов, и мы уселись в похожий на сугроб автомобиль. Не прогревая двигатель, дядя Миша стартовал к месту моей находки. Я пытался встрять в их разговор. Мне не терпелось рассказать про снег. Но увы, меня никто не слышал. Когда мы выехали с проселочной дороги на трассу, и до места оставалось совсем чуть-чуть, у меня в голове возник всего лишь один вопрос: «Зачем я это сделал?» Зачем все рассказал папе? Ведь можно было этого и не делать? Но наверное, было слишком поздно. Мы вышли из машины, лось все так же лежал на краю дороги, немного припорошенный снегом. Папа с соседом, испытывая искренней восторг, бросились к нему. Я тихо стоял в стороне, пока папа не окликнул меня:

– Принеси веревку!

Достав длинный канатный трос из машины, я протянул его в руки отцу и снова отошел. В голове продолжала крутиться лишь одна мысль: «Зачем я это сделал?» Но как уже было сказано, слишком поздно. Привязав беднягу тросом за задние ноги, они подвинули тушу ближе к обочине, чтобы если что, не мешать проезжающим машинам. В ушах у меня гудело, а на глазах набухли слезы. До меня доносились отрывки фраз отца и соседа. Они спорили между собой, самец это или нет. Дядя Миша кричал, что это самка, так как рогов у нее нет, а папа доказывал, что самец, а рога он просто уже скинул. Лишь в одном они были солидарны, бедолага скорее всего был сбит проезжающим грузовиком. Когда в дело вступил топор, я отвернулся и отошел. Был отчетливо слышен хруст ломающихся костей. Закрыв уши шапкой и руками, я поднял голову в небо. Снег продолжал идти. Все такие же большие хлопья и снежинки. И вдруг я увидел его цвет. Он был не голубой, он был белый. Я кинулся на землю и стал руками разгребать заледеневший, почти превратившийся в асфальт снег. Раскопав небольшую ямку, я увидел все то же самое, ни одной голубой снежинки.

Где-то через час разделанную тушу сложили в мешки и мы тронулись обратно. Вечером, когда я уже лег спать, к нам пришел дядя Миша со своей женой. Это была толстая усатая женщина, которая всегда неприятно пахла. Они долго сидели на кухне. Скорее всего выпивали. Через небольшую щель приоткрытой двери до меня доносились лишь отрывки фраз. В большей степени дяди Мишиной жены. «Жареные рёбрышки...», «Котлеты, Жаркое, Строганина». А дядя Миша даже обмолвился, «Жареная губа – пальчики оближешь». Через некоторое время мама зашла в комнату, и погладив меня по голове, сказала:

– Добытчик ты наш...

А ведь раньше этого никто не замечал...

Я отвернулся к стенке, ничего не ответил. Осталось лишь добавить, что в итоге это оказалась самка. Небольшие аккуратные рожки все-таки были...

Наутро следующего дня, я шел вдоль леса, по направлению к школе. Прямо по лыжне, с низко опущенной головой. В районе той самой ели, с которой все началось, я на несколько секунд остановился. Место моей борьбы с лапником практически не замело. Как навес, верхние ветки прикрывали все, что находилось ниже. Оглядев все вокруг, я пошел дальше. В голове блуждали разные мысли, но все они крутились вокруг одного. Через некоторое количество своего пути, я стал замечать, что плавно падающий белый снег, начинает принимать какой-то непонятный, но до боли знакомый оттенок. Сомнений не осталось, когда мне на коленку упала большая голубая снежинка. Одним движением я скинул шапку с головы, вторым скинул ранец, и подняв голову в высь увидел отчетливые голубые хлопья. Мгновенно преодолев овраг, я очутился на проезжей части и сломя голову побежал вперед. Добежав до того места где накануне я обнаружил свою находку, ориентируясь на разворошенный снег возле оврага, я остановился. Вокруг было тихо. Никого и ничего не было. Голубой снег продолжал падать. Я несколько раз повернулся вокруг своей оси, поворачивая голову из стороны в сторону. Никого. И вдруг метрах в пятидесяти позади меня, на дороге я увидел статную фигуру огромного лося со сказочно-большими рогами. Он гордо стоял посередине дороги и смотрел мне в глаза. Я отступил шаг назад. Вокруг все замерло. Немного растерявшись, но затем сумев взять себя в руки, я протянул к нему руки. Лось как бы кивнул мне в ответ, демонстрируя красоту своих рогов и издавая мощные клубы пара из разгоряченных ноздрей. Я сделал один шаг вперед. Затем еще несколько, и не спеша перебирая ногами, двинулся в сторону лося. Ударив два раза копытом по земле, сохатый лишь кивнул мне последний раз, а затем в один прыжок преодолел овраг и исчез в лесной чаще, оставив за собой снежную пелену, опавшую с свисающих веток высоченных елей...

Перейдя на бег, через несколько секунд, я рухнул посередине дороги. Упершись лицом в снег, сквозь поток бескончаемых слез, я смог выдать из себя лишь одно слово, и слово это было: «Прости...»

Свёрток судьбы

Любой человек стремиться к комфорту, что само по себе естественно. Хочется получше одеваться, жить в хорошем доме, получать большую зарплату и не в чем себе не отказывать. Люди стремятся в большие города, покидая маленькие. Где собственно и начинается борьба за свои желания. В итоге их поглощает круговорот суеты эгоизма. Не всегда конечно, но достаточно часто. Эгоизма не в прямом понимании этого слова. Нет. Скорее некоего отчуждения и осторожности, может даже недоверия к окружающим. Естественно, везде есть исключения. Причем, это как правило, не зависит от самого человека. Обстановка диктует свои условия, с которыми приходится мириться. В прочем речь пойдет не об этом, а скорее всего наоборот.

Я родился и вырос как раз в небольшом городке N. Население города не превышает трёх-четырёх тысяч человек. Точно не знаю, но я где-то слышал именно эту цифру. Естественно, когда я был ребенком, мне было все равно где я живу, имеется ввиду габариты населенного пункта. Но чем ближе я приближался к более-менее сознательному возрасту, тем чаще я стал задумываться об этом. Тем более глядя на многих своих сверстников, которые оперившись, не раздумывая покидали свое гнездо, а точнее сказать наш городок и перебирались поближе к районному центру, а то и еще дальше. Откровенно говоря, хоть я и задумывался об этом, но предпринимать что-либо конкретное не собирался. Можно сказать, что меня все устраивало. Школу я закончил, поступил в техникум. В нашем городе их было несколько, так что было даже из чего выбирать. Высшее образование меня не особо привлекало, тем более перед глазами было много примеров человеческого существования и без него.

Единственное, на что, наверное, можно было пожаловаться, так это отсутствие настоящих друзей. Практически все с кем я учился в школе или жил в одном дворе, в отличие от меня, как уже я сказал, собрав чемодан, отправлялись в далекое плавание. Нет, безусловно, были приятели и знакомые, которые так же как и я оставались преданные своему городу, но все было не то. Ну а в целом, как опять же я уже говорил, особых претензий к своему существованию у меня не было.

Все дома в городе были небольшие, так же как и тот, в котором проживал я. Единственное различие, которое имелось – это то, что одни были деревянные, а остальные из какого-либо кирпича. Вот и все. Мне повезло, если так можно сказать, я жил в кирпичном. Обычный старенький трёхэтажный домик, с одним подъездом. Жил я на первом этаже, в малогабаритной квартирке. В одной комнате я, а в другой мать. Отца у меня не было, точнее он был, но я ничего о нем не ведал. После того, как я закончил техникум, нужно было устраиваться на работу. Так уж устроена жизнь. Люди рождаются, ходят в детский садик, потом в школу, далее следует институт, ну или что-то другое, как в моем случае. Итог у всех один – работа, хотя как раз она, наоборот у всех разная. Опять же в нашем городе выбор был не велик, а точнее сказать его практически не было. Я трудоустроился на деревоперерабатывающий завод, в цех по переработке древесных отходов. Но и это меня устраивало. Небольшая, но стабильная зарплата, оплачиваемый больничный и плюс недалеко от дома.

Вредных привычек я не имел. Всё заканчивалось бокалом другим вином на праздник и все. Одни сплошные плюсы. Образование, работа – все имелось. Меня даже приводили в пример моим сверстникам, что несомненно продлевало жизнь моему самолюбию. Как обычно бывает, если чего-то ждешь, то это даже если сбудется, то скорее всего не так скоро, как хотелось бы. И собственно наоборот. Однажды произошел случай, который смог перевернуть мою жизнь, но достаточно дорогой ценой.

В один из выходных дней, я по обычаю сидел дома и паялился в старенький, но достаточно надежный телевизор. Неожиданно в дверь раздался звонок. «Странно» – подумал я. Мать была на дежурстве. Может соседи? Я подошел к двери, и не глядя в глазок, открыл дверь. Перед

дверью никого не было. Я вышел на лестничную клетку и тут же получил плотный толчок в правое плечо. Меня пошатнуло в сторону. Я повернул голову, что бы посмотреть от кого исходит удар. Передо мной стоял Колян. Смирнов Колян. Мой бывший одноклассник, который по окончании школы, как и многие из нашего класса уехал из города в поисках лучшей жизни. Мягко говоря, я был удивлен. Не виделись мы лет пять, а то и больше. Первые мои слова были отнюдь не приветственные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.